

Конан

КОНАН
И ТАЙНА
ПЕСКОВ

Annotation

...и снова Конан-Варвар отправляется в странствия, снова он принимает бой и снова выходит победителем.

Входит в цикл "Наёмники Короны"...

- [Норман Хьюз](#)

◦

Норман Хьюз

Лавина

Словно вой тысячи волков разнесся над горами... И, как по команде, все головы — слуг, охранников каравана, купцов, — обернулись на этот ужасающий звук. Люди застыли, не сводя изумленных взоров с фигуры, выросшей на вершине утеса, что высился над тропой прямо перед ними.

Против солнца невозможно было разглядеть: мужчина это или женщина. Человек застыл, подобно изваянию, и лишь порывы ледяного ветра трепали полы широкого плаща, делая его похожим на язычок черного пламени.

Человек высился над караваном со столь грозным и надменным видом, словно был владыкой этих гор, словно судьбы всех этих людей, что толпились сейчас внизу, на тропе, в окружении груженых повозок и нервно всхрапывающих мулов и коней, зависели лишь от него одного...

И в какой-то мере, так оно и было. Ибо когда человек, нарушив свою каменную неподвижность, внезапно резким жестом широко разбросил руки в стороны, точно пытаясь обять весь мир, простертый под его ногами, то на его громовой крик:

— Добро пожаловать в А-а-а-ад!

...ответом стал мощный приглушенный гул, от которого содрогнулась сама земля.

* * *

Конан не собирался заниматься охранником каравана.

И не потому что молодой варвар-северянин вдруг посчитал бы себя выше этого скучного, непростого и не слишком денежного занятия. Нет, вовсе нет. Он не занесся и не стал «смотреть на простых смертных сверху вниз, с высоты своего медвежьего роста», — что бы там ни говорил этот болтун и насмешник Аньядр! Даже хотя успел за те годы, что они не виделись с ваниром, побывать в самых дальних уголках Хайбории, навидаться там такого, чего иному искателю приключений хватило бы и на три жизни, послужить во дворцах богачей и вельмож, уложить к себе в постель немало роскошных красоток и на равных покашаться с сильными мира сего. Но сказать, что он зазнался?!..

— Ерунда! — Конан стукнул по столу так, что даже кружки подпрыгнули и неминуемо расплескали бы вино, если бы собутыльники не успели опустошить их как раз перед этим. Оба были уже порядком пьяны. — Ерунда, говорю я тебе! Я не потому не хочу идти с вашим караваном, что не рад нашей встрече, или брезгую черной работой...

Варвар начинал горячиться, повысил голос, но ни он, ни Аньядр — почти такой же рослый здоровяк, как и киммериец, только огненно-рыжими волосами, — не обращали ни малейшего внимания на опасливые взгляды прочих посетителей таверны. Впрочем, что этим двум северным медведям свора каких-то коринфийских хлюпиков!..

— Тогда в чем же дело? Караван выходит завтра на рассвете. У тебя будет две недели

пути впереди, чтобы объяснить мне, почему ты не хотел ехать и, как последний дурак, отказывался от верного шанса заработать пару монет!

Конан покачал головой. Ему следовало это предвидеть, еще когда он заметил мощную фигуру старого приятеля за столом таверны, куда случайно заглянул подкрепиться и глотнуть вина перед долгим путешествием. И вот теперь, вместо того чтобы отправиться в дорогу, как собирался, — сидит тут уже битый час и спорит с этим упретым ваниром! Но Аньяд всегда был упрямым, как мул, а кроме того от души презирал «южан», — то есть всех тех, кому злосчастная судьба уготовила родиться к югу от Нордхейма. И шанс заполучить в напарники на охране каравана стоящего, надежного парня, вместо одного из этих «изнеженных ленивых ублюдков, которые только и ждут, чтобы воткнуть тебе нож в спину», — а именно такого мнения он был о коринфийцах, — был слишком хорош, чтобы ванир согласился его упустить.

— Давай, Конан, не чинись, — почти слезно упрашивал он. — Им не хватает еще пары человек в охрану. Вальмерус собирается нанять кого-нибудь в Кезанкийских предгорьях... но ты же сам знаешь, что там за людишки! Грязные разбойники, все до единого... Или ты хочешь, чтобы твой лучший друг угодил в засаду где-нибудь на перевале и остался лежать, среди холодных камней, с перерезанным горлом и утыканый стрелами?.. — В Аньяде явно погиб великий бард. — Имир спросит с тебя за то, что ты оставил в беде его сына!

— Я почему-то считал, что твоего отца звали Согардом, — с ухмылкой отозвался Конан, жестом показывая подавальщику, чтобы принес еще вина.

Ванир пьяно взмахнул руками.

— Все северяне — дети Имира. Кроме, конечно, нечестивых киммерийцев...

— Э, поосторожней, приятель! Не трогай моих богов — и я не стану трогать твоих!

Аньяд лукаво сощурился на собутыльника.

— Об этом мы тоже могли бы спорить в дороге. Ну, давай, соглашайся...

— Да не по пути мне с вами! Я должен попасть в Аквилонию, и мне нужно двигать сейчас к южным дорогам. Либо на перевал Большой Пасти, либо через Драконы Десны. А вы идете на север! Что я там забыл, скажи на милость?

— Деньги, — с убежденностью пророкотал ванир. — Деньги — это именно то, что ждет тебя на этом пути.

— Денег у меня хватает.

Но на это Аньяд лишь разразился громовым хохотом, — он лучше, чем кто бы то ни было, знал, что варвару денег не хватает никогда, — по крайней мере, надолго. Сам был не раз свидетелем его шальных заголов, и их непосредственным участником и вдохновителем... воистину, только ванир может перепить киммерийца, — и наоборот.

Конан и сам почувствовал, что сказал глупость, и засмеялся.

— Но мне, действительно, совсем в другую сторону, дружище. И я слишком тороплюсь, чтобы терять время с караваном.

Он не стал рассказывать Аньяду, что едет в Аквилонию по поручению, ибо свято хранил чужие тайны. Но тут ванир, потянувшись через стол, взял киммерийца за руку. Глаза его, только что еще мутные от вина, внезапно прозрели и посерезнели.

— Я не стал бы тебя просить, друг... Но у меня скверное предчувствие насчет этого путешествия. А мои предчувствия... Ну, в общем, сам знаешь.

Да. Конан знал. В прошлый раз «предчувствие» ванира помогло им сохранить жизнь, когда они угодили в засаду, подстроенную на пути каравана, идущего из Шема в Хорайю, — оба северянина тогда подвизались в жарких краях... С тех пор он считал себя в долгу перед

Аньядром.

И теперь, внезапно решившись, спросил, глядя в его хмурое, напряженное лицо:

— Ты знаешь, в чем опасность? Ванир повел мощными плечами.

— Если бы! Сам купец в порядке. С Вальмерусом я давно уже хожу через перевалы, я даже думаю, он мне после этого похода предложит место постоянного охранника... Остальные купцы, вроде как, его давние дружки. Но, конечно, не всех парней в отряде я знаю.

— Думаешь, заведут в ловушку, как тогда, в степи?

— Всякое может статься.

Конан не стал спрашивать, отчего тогда Аньядр вообще не плюнет на этот караван и не отправится куда-нибудь еще. Заполучить место постоянного охранника при каком-нибудь богатом торговце для многих наемников было верхом мечтаний: ведь это означало конец полуголодной жизни с вечной тревогой о заработке, сытое и довольно существование при хозяине, который будет платить тебе вне зависимости от того, есть сейчас работа, или нет. И не надо ломать голову о том, куда податься на зиму, когда торговля в северных краях замирает из-за снежных заносов на дорогах... И не надо скитаться, гадая, где приклонить голову на ночь... Так что немудрено, что даже такой любитель побродяжить по свету, как Аньядр, наконец решил подыскать себе теплое местечко. И он явно не откажется от этой мечты из-за смутных дурных предчувствий.

— И хорошо ли твой купец заплатит?

Тень тревоги тут же покинула грубое, словно топором из дерева вырубленное, лицо ванира. Он уже понял, что сумел настоять на своем, и высоко вскинул кружку, до краев наполненную вином, и его громовой голос заставил испуганно пригнуться к столам завсегдатаев таверны:

— Пью за моего друга! Моего лучшего друга — Конана из Киммерии!

* * *

— Я не верю, что мы в Кезанкии. Хоть ты убей меня — не верю!

Такими словами Аньядр начал новое утро... уже далеко не в первый раз за это путешествие. Конан ничего не ответил — да и никто не ждал от него ответа, а лишь потянулся с угрюмым видом так, что хрустнули кости, и выбрался из палатки, хмуро глядя по сторонам.

Кезанкия! Да, конечно. Если отбросить мысль о колдовстве — поскольку магов вокруг вроде как не наблюдалось; все больше купцы, орущие на погонщиков, погонщики, орущие на мулов, мулы, орущие просто так, на весь белый свет, да охранники, молча, с равной ненавистью взирающие на купцов, погонщиков, мулов и даже друг на друга, — так вот, если все же отбросить мысль о колдовстве, то кроме Кезанкии быть каравану попросту негде. Северные отроги Кезанкийских гор, именуемые также Медвежьими Кряжами... Медвежьими — пусть. Но никто никогда не говорил киммерийцу о том, что медведи в этих краях водятся исключительно белые. Он с отвращением ковырнул слежавшийся снег носком тонкого юфтового сапога, совершенно неподходящего для нынешней погоды. Еще день-два, и

обувку можно будет выбрасывать!..

Спекшаяся корка снега визгливо похрустывала под ногами. Кажется, за ночь она стала еще плотнее. Если еще вчера мулы и лошади еще могли добраться до жухлой травы, то сегодня они лишь с несчастным видом тыкались в наст мордами и неумело рыхлили копытами снег: никогда прежде животным не приходилось самим заботиться о своем пропитании в таких скверных условиях. Впрочем, людям приходилось ничуть не лучше...

Завернувшись в тонкий шерстяной плащ, который резкие порывы студеного ветра пронизывали насквозь, даже не замечая препяды, Конан растер лицо снегом и, ругаясь вполголоса, двинулся к костру, в надежде раздобыть чего-нибудь горячего на завтрак. Конечно, как уроженец северной Киммерии, он был куда больше привычен к холоду, чем эти изнеженные южане, и в дороге ему случалось мерзнуть и голодать куда сильнее, чем нынче... но это все — вопрос подготовки. Зимой, когда человек пускается в путь, он знает, что его ждет, и экипируется соответственно. Ни стуже, ни ветру не застать его врасплох.

Но вот когда зима приходит к человеку сама, без всякого предупреждения, в середине лета, да еще в безлюдных гористых пустошах, где на много лиг вокруг — ни жилья, ни постоянного двора...

Было такое впечатление, словно на своем пути караван пересек незримую черту. Только что стояла жара, караванщики не знали, куда деваться от палящего солнца, — и вдруг, стоило перевалить за очередной невысокий хребет, как поднялся ветер. Вскоре порывы его сделались еще сильнее, затем он начал швырять людям в лицо колючие льдинки... Наутро они обнаружили, что снег лежит на земле плотным слоем... И с тех пор каждый день становилось только хуже и хуже.

Сейчас, оглянувшись по сторонам, киммериец мог бы поручиться, что оказался где-нибудь в отрогах Гимелианских гор, где ледники не тают даже летом, — а вовсе не в привычной и не щедрой на подобные сюрпризы Кезанкии.

Да, прав был Аньядр, когда говорил, что чует неладное... И кой демон дернул Конана поддаться на уговоры ванира и отправиться с ним в это путешествие? Не зря же говорят: вино — дурной советчик! Э, да что теперь рассуждать...

Промерзший до костей караван постепенно собирался, нехотя стягивался в одну линию, вновь делаясь единым организмом, словно наделенным собственной волей и упорством. Каждый поодиночке, торговцы уже давно наверняка бросили бы эту безнадежную затею, забыв о выгоде и не внемля больше уговорам проводника, который клялся всеми богами, что еще немного, уже вот-вот, совсем чуть-чуть — и снег наконец кончится, и они выйдут на нормальную дорогу, а там уже рукой подать и до Долины Унгорона — цели их путешествия.

Конан никогда не слышал о такой долине... но, впрочем, он не слишком хорошо знал северную часть Кезанкайских гор. Купцы тоже, судя по словам Аньядра, там прежде не бывали, — и все же явно рассчитывали на основательный куш, ибо стремились вперед рьяно, невзирая ни на какие помехи и трудности.

Впрочем, сегодня собрать караван оказалось еще сложнее, чем накануне и третьего дня. Голодные мулы отказывались трогаться с места; повозки, отлично подходившие для перевозки груза по широким, накатанным, стократ исхоженным дорогам через невысокие перевалы Медвежьих Кряжей, на обледеневшей тропе сделались даже не помехой — источником опасности. Купцы поговаривали даже о том, чтобы вернуться с основной частью товара в предгорья и выслать вперед разведчиков. Пусть отыщут эту проклятую долину — и приведут оттуда покупателей за товаром, или хотя бы выочных животных, способных

перевезти тюки на себе!

Не все торговцы, однако, были согласны с таким решением, поскольку это грозило потерей времени. К тому же — кого посыпать вперед? Нужно очень доверять этому посланцу, чтобы не обманул и не нажился на своих собратьях-купцах... а такое доверие — большая редкость в торговой среде.

Да тут еще проводник... как обычно, кланяется до земли, бьет себя в грудь и голосит, что пройти осталось еще совсем, ну совсем немного, вон до того хребта — и уже будет путь вниз, к долине, и никакого снега... Как тут можно что-то решить?

Охранники между собой переглядывались скучающе. Им было все равно. И только Конану ума хватило, пока галдящий караван все еще вяло вытягивался на тропу, пройти чуть дальше вперед, на разведку.

Чутье не подвело. Полускрытая под толстой шапкой свежевыпавшего снега, на небольшом плато обнаружилась расселина в скале, перерезавшая путь ровно посередине. Киммериец обнаружил опасность чудом — лишь благодаря врожденному чутью уроженца гор. Кликнув на помощь Аньядра, он сумел подыскать для каравана иной, безопасный путь в обход ловушки. Впрочем, никто и не подумал сказать ему за это спасибо.

Хотя, может, кто и собирался — да не успел... Они медленно двигались в обход скалы, нависшей над тропой. По левую руку высилась гора; склон ее поначалу шел довольно полого, но затем, к вершине, вздыпался круто вверх, оканчиваясь тремя острыми, хищно ощерившимися зубцами. Снежный полог, укутывавший склон, мерцал на солнце; синие тени залегали в складках и провалах; ослепительная белизна резала глаз. По правую руку был неглубокий обрыв, продолжавшийся дальше пологим спуском, и время от времени киммериец косился в ту сторону: если начнет скользить одна из повозок, потянет за собой мулов и возниц — никому ее будет не удержать. И едва ли кто выживет после такого падения... Так что сам он старался держаться либо в голове каравана, либо в хвосте — подальше от источника опасности. И те охранники, что поумнее, поступали точно так же.

Заглядевшись вниз и задумавшись, иную опасность северянин обнаружил не сразу. Только когда раздался вой.

А затем — этот крик.

— Добро пожаловать в А-а-а-ад!..

Еще какое-то время по инерции караван продолжал движение, но внутри него все смешалось. Изумленные, люди пялились на вершину скалы, где уже не было никого, переглядывались друг с другом, кидали в пустоту какие-то негодующие возгласы и бессмысленные вопросы... как будто кто-то мог бы им объяснить суть прошедшего!

Конан, единственный, не принимал в начавшемся столпотворении никакого участия.

Он, единственный, знал, в чем дело.

Ибо он слышал.

Гул. Глухой рокот, набирающий силу, словно тысячи пушек, бьющие в отдалении, словно тысячи ревущих водопадов. Словно раскаты тысячи громов...

Даже прежде, чем на глазах у остолбеневших людей склон горы раскололся надвое, и черная полоса, сперва тонкая, как след от удара сабли, начала стремительно расширяться, отмечая место отрыва снежного пластика, а над несущейся вниз лавиной образовалось белесое облако серой ледяной пыли, — Конан закричал, что есть силы:

— Спасайтесь! Спасайтесь!

Но не в его силах было помочь этим людям, остановить начавшееся безумие и

предотвратить катастрофу. Беснующиеся, храпящие лошади и мулы, которых подземный гул предупредил об опасности, рвались на волю, но лишь сильнее запутывали поводья и постремки, сбивали людей с ног, опрокидывали повозки, падали сами, отчаянно брыкаясь и не давая возможности никому пройти мимо. Почти все купцы и погонщики оказались в ловушке, среди обезумевших животных и разбитых телег. Кто-то пытался броситься с обрыва вниз, в тщетной надежде уцелеть, не разбившись о камни; другие бестолково метались по тропе, третьи лишь истово молились, не сводя взора со стремительно надвигающейся снежной стены.

Грохот лавины был уже так силен, что перекрывал не только людские голоса, но и истощенное конское ржание. Серое облако, поднявшееся над горой, затмевало полнеба, снег дымился и шел глубокими трещинами. Подобные лавины в горах Киммерии с корнем вырывают целые леса, засыпают долины и уносят в пропасть всадников вместе с лошадьми. И что проку рассуждать о том, что никто и никогда прежде не видел ничего подобного в мирной Кезанки..

С криком «Вперед!» Конан, оказавшийся в арьергарде каравана, подхлестнул дрожащего коня, и тот, скользя и оступаясь, загарцевал на тропе. И в этот миг до слуха киммерийца, даже сквозь гул лавины, донесся отчаянный вопль.

— Имир! Аньядр!..

У северянина оставались считанные мгновения, чтобы убраться отсюда, — ибо он видел лишь один-единственный, и то весьма слабый шанс на спасение, и следовало действовать как можно быстрее... Но сбежать, бросив товарища, он никак не мог. Пусть он не в силах помочь остальным, — сейчас даже глас самого Крома едва ли вернул бы рассудок обезумевшим караванщикам! — но товарища он обязан вытащить любой ценой...

Но где же ванир?!

И тут Конан увидел его.

По счастью, Аньядр тоже ехал в хвосте колонны, и добраться до него оказалось несложно. Но ванир попал в настоящую западню. Лошадь, запаниковав, оступилась на скользкой тропе и рухнула набок, придавив собой всадника. А вокруг ревели мулы, ломая оглобли повозок, бестолково метались всадники... Спрыгнув с коня, Конан бросился другу на выручку.

Их обоих не затоптали лишь чудом. Подхватив Аньядра подмышки, киммериец рванул изо всех сил — и вытащил отчаянно ругающегося ванира на свободу.

— А теперь — бежим!

Но спасенный лишь заскрежетал зубами.

— Нога...

Конану хватило одного взгляда, чтобы понять. Придавленная весом лошади ступня Аньядра была развернута куда-то вбок. Перелом... Не рассуждая, киммериец подхватил ванира и поволок прочь. Хвала Крому, лошадь не ускакала прочь. Взвалив раненого поперек седла и схватив коня под уздцы, Конан с отчаянием обреченного бросился по тропе к небольшому плато, которое отряд миновал совсем недавно.

... А гул над головой все нарастал, сделавшись столь мощным, что кровь начала стучать в висках. Снежные облачка превратились в гигантскую тучу, которая стремительно сползала по горному склону. Грохот лавины слышался уже совсем рядом, отражаясь от каждого утеса.

Им не спастись. Невозможно... Конан слышал прерывистое дыхание ванира, но не оглядывался, всем существом своим устремленный к единственной цели.

Вот наконец и расселина, которую они так удачно миновали не столь давно... Если он все правильно запомнил, — возможно, теперь она станет их спасением!

Конан стащил ванира с седла.

— Я не смогу помочь тебе. Постарайся спуститься сам!

В ответ Аньяд лишь скрежетнул зубами. Грубое лицо его было покрыто испариной, звериный оскал кривил губы.

— Брось меня, киммериец!

— Ни за что!

С сожалением проводив взглядом лошадь, поскакавшую вниз по тропе, едва лишь хозяин отпустил ее, Конан подволок ванира к трещине в земле.

— Спускайся.

— Лучше бы ты ускакал прочь, пока было время!..

Киммериец не стал тратить время и объяснять, что это было невозможно: лавина слишком огромна, и уйти от нее по тропе не смог бы никто, — ни назад, ни вперед. Так что погибнет и его прекрасный конь, взятый из лучших коршенских конюшен, и все те их спутники, кто сейчас вовсю нахлестывал лошадей, пытаясь ускакать по дороге. И лишь вот эта расселина дарила призрачный шанс.

Он молча начал спускаться, с ловкостью и стремительной грацией горного барса. Пыхтя, отдуваясь и ругаясь сквозь зубы на чем свет стоит, ванир последовал за ним.

Горло расселины было довольно узким, прикрытым каменным козырьком, и там едва удалось пролезть, но ниже трещина расширялась, превращаясь в длинную, уходящую куда-то в недра гор пещеру. Со вздохом облегчения Конан спрыгнул на землю и поддержал висевшего на руках ванира. Застонав, тот рухнул наземь.

Здесь, казалось, гул лавины звучал еще оглушительнее, многократно отражаясь от каменных стен; казалось, сама земля ревет и стонет от боли... Конан попытался вообразить себе вес снега, производящий такой шум, и скорость, с которой эта масса мчится вниз. Все что угодно — лишь бы не думать о судьбе людей, оставшихся на пути у лавины...

Но он не мог спасти их всех!

Ванир тоже посмотрел вверх. Узкая щель над головой, в которую они пролезли только что, еще оставалась светлой, но неба сквозь нее было уже не разглядеть: все заслонила снежная туча. А затем свет стремительно начал меркнуть. Лавина пришла!

— Нас засыпает! — заорал Аньяд на ухо киммерийцу.

Тот отрицательно покачал головой.

Земля вокруг содрогалась. Сквозь трещину вниз рушились комья снега. Грохот стоял такой, словно сами боги пытались сокрушить этот мир, наскучив жалкими играми смертных... Но каменный карниз пока выдерживал натиск.

Как и рассчитывал Конан, расселина оказалась слишком узкой, чтобы лавина рухнула в нее всей своей непомерной тяжестью. Спрессованная масса снега быстро забила щель, — и теперь лавина скользила над ними, надежно заперев людей в ледяном мешке.

А потом наступила тишина...

И мрак.

— Киммериец, мне не выбраться отсюда.

В темноте голос ванира звучал почти бесплотно, словно жалоба горного духа. Конан крепче сжал его руку.

— Не говори чепухи! Когда снег снаружи осядет, станет светлее. Лучи пробоятся сюда, и мы увидим, где снег тоньше всего. Там и будем пробиваться наружу.

— Ты же сам знаешь, что со сломанной ногой мне не подняться наверх.

— Я помогу.

Во мраке этого не было видно, но Конан понял, что Аньяд отрицательно мотает головой. Да он и сам сознавал, что это нереально. Подняться по обледеневшей каменной стене в одиночку еще возможно, — и то ценой гигантских усилий... учитывая, что еще предстоит прорубать мечом корку спрессованного снега наверху. Но повторить этот подвиг, таща на спине раненого... Об этом нечего было и думать.

— Ладно. Сейчас все равно еще слишком рано. Надо ждать, пока наверху все успокоится... Спи, — велел он ваниру.

Но тот не унимался.

— Не надо было тебе спасать меня. — Голос нордхеймца был полон угрюмой решимости. — Я только стал тебе обузой. Погибнем оба!

— Ни за что! — Конан скрипнул зубами. — Пока есть хоть какая-то надежда...

Не желая больше тратить время на бессмысленные споры, он завернулся в тонкий плащ, совершенно не спасавший от холода, и усилием воли приказал себе задремать, — совсем ненадолго, чтобы не успеть замерзнуть окончательно, но восстановить силы, которые очень скоро ему понадобятся...

Последнее, что он слышал; засыпая, был тихий, хриплый голос ванира, который обрекенно молился Имиру, божеству ледяных пустошей и заблудших душ.

* * *

— Аньяд! Смотри, я вижу просвет вон там. Пари держу, я сумею подняться! — Молчание. — Эй, Аньяд!..

Действительно, когда осела снежная туча, поднятая лавиной, и небо снаружи прояснилось, свет начал сочиться в пещеру, где оказались в заточении путники. Конечно, просветы были едва заметны, а это означало, что все равно придется пробиваться наружу с боем, но для измученного темнотой взора Конана и это было праздником. Он даже начал что-то различать вокруг себя...

— Аньяд!..

Темные очертания лежащего тела, чуть в отдалении... Киммериец приблизился к товарищу. Кром! Как же он все-таки сможет поднять его наверх? Задача казалась совершенно невыполнимой, когда он прикидывал, на какую высоту придется подняться, да еще и огибая скальный карниз... Может, у ванира найдется веревка?..

— Аньяд!

...И только тут он заметил.

Странная неподвижность. Странная поза. И темное пятно у горла лежащего человека.

Наклонившись, Конан на ощупь вынул из закоченевшей руки ванира кинжал, которым тот перерезал себе горло.

— Трус! — прошептал он. Но тут же осекся. Ванир не был трусом. Он был героем! Выросший на севере, среди диких скал и льда, он знал горы не хуже киммерийца, а потому смог представить себе все, что тому предстоит. И точно понял одно: сам он со сломанной ногой никогда не сможет подняться наверх, и Конану вытащить его тоже будет не под силу.

Если киммериец бросит раненого товарища — на его совести навсегда останется несмыываемое пятно бесчестья. Если останется с ним — оба погибнут.

И ванир подарил другу жизнь. Заплатив за нее самой дорогой ценой.

— Аньяд...

Опустившись на колени перед трупом, Конан перевернул его на спину, вытащил меч у ванира из ножен и положил мертвому на грудь.

— Прощай, друг. Пусть Владыка Снегов встретит тебя с почестями на пороге своих чертогов!

Помолчав еще пару мгновений, он решительно поднялся с колен и отвернулся. Пора было пробивать путь к свободе!

* * *

— Эй! Очнись! Ты кто такая, и откуда здесь взялась?

Киммериец легонько хлопал девушку, по щекам, в надежде, что холод еще не пробрал ее до костей, не увел за тот порог, где сознание начинает мекнуть и забвение дарует угасающему разуму картины, столь живые, прекрасные и яркие, что он уже не в силах оторваться от них и вернуться в серую, будничную реальность...

Она еще жива — а значит, есть надежда. И не только у нее, но и у киммерийца, который последние силы потратил, чтобы выбраться из ледяной ловушки, на дне коей навсегда осталось тело Аньядра, а потом долгие часы брел куда глаза глядят, наугад выбирая проходы на местности, неизвестно измененной сходом лавины.

Путь назад оказался отрезан начисто, и Конану оставалось только с упрямством обреченного двигаться вперед, в надежде, что где-то там, за следующим хребтом, или может быть за поворотом, если только ему повезет, — отыщется заветная Долина Унгорона, куда вел их проводник, бесславно погибший вместе со всем караваном. Ни от людей, ни от повозок киммериец не отыскал на поверхности ни малейшего следа. Лишь нетронутая, обманчиво-невинная снежная белизна вокруг, насколько хватало глаз... Язык лавины слизнул караван с лица земли с той же легкостью, как человек стягивает соринку с руки. И теперь никто не мог подсказать Конану, куда ему держать путь.

В щегольских юфтеевых сапогах,шелковой рубахе и тонком плаще, без огня, палатки и одеяла... Киммерийцу здорово повезет, если к утру он не превратится в сосульку.

Знать бы еще, где эта проклятая долина!..

И вот — неожиданная встреча.

Девушку, должно быть, тоже застал врасплох сход лавины. Северянин обнаружил ее в

укрытии под скалой, совершенно замерзшую, но невредимую. Основная масса снега сошла в стороне, и незнакомка оказалась в безопасности. Но, похоже, сорвавшийся с каменной стены обломок удалил ее по затылку, — Конан обнаружил кровь в светлых волосах, — и она потеряла сознание. А холод поспешил воспользоваться этим...

Но сейчас, в объятиях северянина, — которому, после всех пережитых приключений, приятно было прижать к груди хорошенькую девчонку, — она отогрелась и слабо шевельнулась. Дрогнули веки, — и в лицо северянина уставились испуганные серые глаза.

— К-кто ты такой?

Он понимал ее без труда: она говорила на привычном наречии кезанкийских горцев, и это тут же успокоило северянина. Значит, по крайней мере, никакое колдовство не перенесло их караван на другой конец света, или и вовсе в иной мир, о чем всерьез уже начинали поговаривать накануне самые пугливые из караванщиков...

В двух словах Конан объяснил незнакомке, кто он такой и как оказался здесь.

— А ты сама?

Девушку звали Кайта. И для варвара было огромным облегчением услышать, что она и впрямь родом из заветной долины, и идти туда совсем недалеко. К вечеру они будут на месте...

Обрадованный, северянин поднялся на ноги легко, словно и не чувствуя усталости.

— Ты сможешь идти? — обратился он к Кайте? — Или тебя придется нести на руках?

Она смерила его оценивающим взглядом, не скрывая восхищения мощной фигурой киммерийца.

— Это было бы приятно, но... Так мы слишком задержимся в пути, и ты устанешь. А нам надо скорее вернуться домой.

По счастью, когда они прошли чуть дальше по склону, то там, куда лавина не смогла дотянуться, в целости и сохранности обнаружили тропу, ведущую через перевал. Несмотря на выпавший недавно снег, было заметно, что этой дорогой нередко пользовались, и идти здесь оказалось легко.

Избавившись от тревоги за ближайшее будущее, Конан наконец смог подумать и о прошлом. До сих пор у него не было ни единого лишнего мгновения, чтобы тратить время на пустые донышлы и тревоги, но теперь, когда он с каждым шагом приближался к загадочной долине, единственный вопрос мучил его все сильнее:

Кто и почему не хотел, чтобы их караван достиг цели?

Кто боялся их прихода так сильно, что вызвал лавину?!

Жесткий, хладнокровный убийца, не останавливающийся ни перед чем...

В первый момент, когда он только заметил Кайту на снегу под скалой, у Конана мелькнула мысль: не она ли кричала с вершины те страшные слова, что обрушили снежную смерть на невинных людей. Но ни голосом, ни статью, ни одеждой девушка ничуть не походила на загадочного убийцу. Северянин гордился своим умением разбираться в людях, и сейчас был твердо убежден: Кайта — такая же невинная жертва, как и он сам.

Однако ей может быть известно нечто такое, что прольет свет на всю эту таинственную историю...

— Ты знаешь того, кто вызвал лавину? — спросил он ее напрямик.

Она молчала очень долго. Так долго, что, помимо воли, мрачные подозрения вновь всколыхнулись в душе киммерийца. Но затем девушка начала свой рассказ, и когда закончила, пришел его черед долго, очень долго хранить молчание.

— Я помогу вам отомстить! — Вот и все, что он сказал наконец.

Он обнял Кайту за плечи, и она доверчиво прильнула к северянину, с надеждой глядя в его синие глаза, в которых полыхал неукротимый гневный огонь.

* * *

— И как давно ведьма не пускает вас в долину?

...Все оказалось именно так, как рассказывала ему девушка. Убогие лачужки, засыпанные снегом почти до самых окон. Еле тлеющий огонь в очаге. Скудная похлебка из каких-то кореньев... И усталые, изможденные лица людей, вынужденных ожесточенно, изо дня в день бороться за выживание, без малейшей надежды на успех.

Вместо Кайты на вопрос северянина ответил ее отец, тощий, жилистый мужчина с горящими ненавистью глазами:

— Полтора десятка лет... может, и больше. Она, к примеру, — он указал на дочь, — и вовсе там не была никогда. Только издали и может полюбоваться... пока Стражи не подоспевают.

Конан задумчиво хмыкнул, грея ладони об глиняную кружку с кипятком, — иных напитков, кроме воды, в этом нищем поселке не водилось.

— Но почему вы не уйдете отсюда? Мир великий. Есть места и получше вашей долины...

— Тебе не понять, чужак. — Это вступила в разговор мать Кайты, такая же истощенная и озлобленная, как и ее муж. — Там — наш дом. И там — наше сокровище...

— Сокровище? — мигом заинтересовался киммериец.

Но отец Кайты лишь покачал головой.

— Нет, это не драгоценность. Это просто... реликвия нашего племени. Но... — он внезапно встрепенулся, словно осознав скрытый смысл вопроса северянина. — Если ты поможешь нам вернуться в долину, мы сумеем расплатиться с тобой. Там, в замке, немало ценностей...

Однако в ответ Конан лишь покачал головой. Если все, что рассказали ему селяне, — правда... Он взялся за меч, словно готовый немедленно ринуться в бой.

— Эта ваша ведьма убила моего друга. Убила подло, из прихоти. Как вы говорите, только ради того, чтобы ваш поселок не получил товаров, который вез караван... Я не возьму ни гроша за то, чтобы уничтожить ее. Подобная гнусность не имеет права поганить собой землю. Если оставить ее безнаказанной, боги мне этого не простят!

Теперь родные девушки и она сама взирали на северянина с благоговением. Мать Кайты выскользнула за дверь, — и вскоре весь дом наполнился гомонящими, оживленными людьми. В крохотной лачуге поместились далеко не все. Остальные толпились во дворе, заглядывая в окна и через дверь, в надежде хоть одним глазком увидеть своего будущего спасителя. Смущенный таким вниманием, Конан обвел людей недоуменным взглядом:

— Но вас ведь, как я вижу, немало. Почему вы сами не сумели совладать с ведьмой? И почему думаете, что это под силу мне одному?!

Старуха, сморщенная и беззубая, притиснулась вперед, цепко ухватив киммерийца за руку.

— Ведьма не всемогуща! Ее колдовские страхи убивают только нас, бывших жителей долины. Только мы видим их — и только мы падаем под ударами их огненных копий. Но те люди, которых ведьма никогда не видела в глаза... против них она бессильна. Вот почему она так боится караванов из Большого Мира. Она опасается таких людей, как ты. Кто пройдет напролом через все ее преграды — и наконец уничтожит ее подлое колдовство!

Конан кивнул, уверенно глядя в глаза старухи.

— Я сделаю это. Я верну вам ваш дом. Обещаю.

* * *

— А где же все люди?!

Лежа плашмя на плоской вершине утеса, куда Конана привела Кайта, киммериец наблюдал за долиной.

Странное зрелище. Еще более прекрасная, чем в рассказах селян, — солнечная, цветущая, словно зеленая жемчужина в ледяных ладонях гор, — она казалась совершенно пустынной, если не считать порхавших повсюду птиц, а также животных, разгуливавших там в полной безопасности. Зайцы, косули, олени... даже отсюда Конан мог заметить их. А сколько еще дичи скрывается среди тенистых деревьев... должно быть, вся живность окрестных гор собралась здесь, когда не проходимые снега укрыли перевалы.

Все, кроме людей. Тех, кто прежде мирно жил и трудился в этой долине, изгнала колдунья и под страхом смерти запретила пересекать черту, ограничившую ее владения. А чтобы окончательно отвадить простых смертных от этих мест, призвала на помощь выюги и бураны. Это она укрыла снегом горы вокруг. По ее вине воцарилась на Медвежьих Кряжах вечная зима...

Но люди не желали сдаваться. С упорством обреченных, ведя полуголодное существование, они цеплялись за жизнь у самых границ долины, в надежде, что рано или поздно все изменится, и освобождение придет.

По словам Кайты, они много раз пытались найти помощь со стороны, в Большом Мире, как они его называли. Но у нищих селян не было денег, чтобы оплатить помощь наемников, а тащиться в такую даль, подвергаться неведомым опасностям и сражаться с колдуньей бескорыстно, из одной лишь любви к справедливости, охотников не нашлось.

И тогда селяне придумали заманить в горы торговцев. Это был единственный шанс...

— Клянусь, мы не думали, что ведьма решится на такое! — сквозь слезы говорила Кайта киммерийцу. — Мы были уверены, что караван пройдет благополучно. Конечно, купцы пришли бы в ярость, когда обнаружили бы, что торговать им не с кем, но они могли бы польститься на богатства Замка. И кто-то из охранников наверняка согласился бы помочь нам... — Она всхлипнула. — Но проклятая колдунья убила всех!

Конан ободряюще сжал ее плечо.

— Не всех. Меня она убить не смогла. И это — ее самая большая ошибка!

Он снова принял рассмотривать долину.

Совсем небольшая, почти вся поросшая лесом, окружавшим невысокий крепкий замок из серого камня, она казалась сказочно красивой и безмятежной.

— Но где же люди? — повторил свой вопрос северянин.

Кайта повернулась к нему.

— Людей нет. Мы жили там. А теперь... Теперь там только ведьма.

— Одна? А слуги? И эти стражи?

— Слуг у нее нет. Или, может, ей служат демоны... но никто из нас их не видел. А Стражи... Они возникают, только если люди пытаются пройти Черту. Хочешь взглянуть?

— Ты с ума сошла! — закричал ей вслед варвар, когда девушка, внезапно вскочив, побежала вниз по тропинке. — Жизни лишиться хочешь?!

Но Кайта, похоже, отлично знала, что делает. Глазам киммерийца предстала поразительная картина.

Девушка замерла на самой границе, где снег внезапно заканчивался, сменяясь густой, свежей травой. Кайта сделала крохотный шагок. Солнечный луч — ибо, в отличие от гор, над долиной светило яркое летнее солнце, — упал ей на лицо, позолотил волосы и кожу... И тут же с отчаянным криком она отпрыгнула назад.

Конан не успел заметить ничего — ни тени, ни движения. Но внезапно в воздухе с треском что-то полыхнуло, и в тот же миг на Кайте загорелась одежда. Повалившись в сугроб, она торопливо загасила огонь.

Когда северянин спустился, на ее губах играла победная улыбка.

— Видел? Это чтобы ты не думал, что мы лжем. Если бы я сделала еще шаг вперед — Страж испепелил бы меня на месте. Так погиб Гуртан, мой брат... Он был уверен, что сумеет одолеть колдуны, ведь он родился уже в снегах, и она никогда не видела его. Но заклятье ведьмы действует на всех членов нашего рода...

Конан сочувственно кивнул, обнимая девушку.

— Я отомщу и за твоего брата тоже!

Ее поцелуй был горячим и сладким, как мед, — словно Кайта принесла на губах немного солнца из долины...

* * *

— И наконец самое главное. Не трогай ведьму!

Конан, проверявший, готово ли оружие к бою,

перед вылазкой в долину, от таких слов даже застыл с наполовину вынутым мечом из ножен, и, как на умалишенного, воззрился на отца Кайты.

— Я ослышался?

Но селянин лишь покачал головой:

— Ничего подобного. Ты не должен причинять ведьме зла.

— Что за чушь?! Она убивает людей... Отец Кайты не дал ему договорить:

— Ты не понял. Речь не идет о том, чтобы оставить эту тварь безнаказанной. Но стоит тебе поднять против нее оружие — и ты сразу становишься уязвим для заклятья. Огненные Стражи испепелят тебя на месте.

— Мне не нужно оружия. — Конан вложил клинок в ножны и хмуро уставился в непроглядную ночную тьму за окном. — Я прикончу эту гадину голыми руками!

— Ничего не выйдет. Ты в безопасности только до тех пор, пока не угрожаешь ей.

— И как же тогда...

Селянин вздохнул с видом человека, который устал в тысячный раз повторять одно и тоже. Не

будь он отцом Кайты, киммериец живо научил бы его почтению... Но так — пришлось унять гнев.

— Мы же говорили тебе о шаре. В большом зале перед камином, на медной подставке. Доберись туда незамеченным — и разбей его, прежде чем ведьма успеет опомниться. Тогда ее чары падут. А мы будем наготове у черты, все до единого. И как только увидим, что Стражи больше не нападают на нас, — бросимся в замок тебе на подмогу.

Услышав это, северянин презрительно хмыкнул. От этих слабосильных людышек, изможденных холодом и недоеданием, никакой подмоги он не ждал. И почему, если уж в магическом шаре

— источник всей власти колдуны, он не может убить ее после этого?

— Прошу тебя, не спорь! — Отец Кайты схватил киммерийца за рукав и умоляюще заглянул ему в лицо. — Сделай, как мы просим тебя. Разбей шар — и не трогай ведьму. Мы хотим судить ее и казнить по нашему закону. Если ты просто прикончишь ее — не будет никакого правосудия. Она не будет наказана по-настоящему. Мы сами должны сделать это!

Конан лишь пожал плечами в ответ. Пусть говорят, что хотят. У него есть свое право на месть — и он поступит так, как сочтет нужным.

* * *

— Проклятье!

В темноте граница между снегами и долиной оказалась совсем незаметной, и киммериец не удержался от возгласа, когда сделал еще шаг — и внезапно споткнулся, упав на колени в густую траву.

Здесь даже пахло по-другому: нагретом землей, теплом и покоем. Цикады скрипели на тысячи голосов, словно он оказался не в северной Кезанкии, а где-нибудь в жарком Шеме. Перекликалисьочные птицы... Странно, что всего этого многоголосья не слышно было в одном шаге отсюда, за Чертой! Конан двинулся дальше.

Как и днем, над долиной не было облаков, и теперь путь ему освещали луна и звезды. Вспомнив тяжелые тучи, что затягивали небо над перевалами, северянин только сплюнул сквозь зубы. Ведьма очень могущественна — так что лучше убить ее самому, что бы там ни болтали суеверные селяне. Если только она позволит ему добратиться до замка...

Однако, вопреки всем опасениям, ни единого препятствия не встретилось на пути киммерийца. Толькоочные зверушки безбоязненно сновали по лесу, перебегая дорогу едва ли не перед самым носом у Конана, да филин пару раз приветственно ухнул в густой листве. Однако эта внешняя безмятежность, вместо того чтобы успокоить, еще больше насторожила воина. К замку он вышел во всеоружии.

Но и тут его, уже готового дать бой любому врагу, поджидало разочарование. Цитадель колдуны казалась совершенно необитаемой.

Ни охраны на входе, ни слуг во дворе. Тяжелые ворота распахнуты настежь, а внутренние — и вовсе сорваны с петель, и массивные створки лежат на земле, покрытые слоем грязи. В темных коридорах — ни огонька. Не горят факелы, не стоят в подставках масляные светильники, нет даже и колдовских световых шаров...

Киммериец обнажил меч и начал осторожно продвигаться вперед по темному коридору.

Запах пыли... Присев на корточки, он провел пальцем по полу, почти невидимому в темноте. Так и есть. Эту грязь никто не убирал, должно быть, уже многие годы. Неужели сил ведьмы не хватает на такую малость? Или ей все равно?

Конан вообразил себя дряхлую, скрюченную, похожую на паука старуху, ютящуюся в темных сырых подвалов, среди гор трухи и сора... поднимется ли у него рука убить такую? Может, лучше и впрямь оставить правосудие селянам?..

Ладно, сперва надо найти шар.

...По описаниям отца Кайты он без труда отыскал парадный зал: именно туда вел главный коридор. И единственной опасностью, поджидавшей Конана на пути, была угроза немилосердно расчихаться от всепроникающей пыли и тем самым обнаружить свое присутствие. Сдержаться стоило ему немалых трудов...

В парадном зале замка царила такая же мертвенная тишина, как и во всей цитадели, но, по счастью, здесь было не так темно. В высокие стрельчатые окна пробивался лунный свет, и в серебристых лучах искрился, медленно вращаясь, молочно-белый шар, висевший в воздухе над высокой медной треногой. В глубине его словно бы что-то медленно бурлило, колыхалось, переливалось... Опасаясь, что колдовское зрелище способно зачаровать его, Конан поспешил отвернуться, а затем, решительным движением, без всякой торопливости вынул меч.

— Не делай этого! Прошу!

Он уже как-то свыкся с мыслью, что ведьма окажется уродливой старухой, но голос был молодой и звучный. Ласковый. Манящий. Нежный.

Разумеется, он и не подумал обернуться.

— Не делай этого! Тебя обманули!

Она не делала попытки наброситься на него. Голос по-прежнему доносился от входа в зал...

Не желая больше терять времени, Конан изо всех сил нанес удар мечом по шару.

Сфера лопнула с оглушительным, каким-то неестественно пронзительным звоном, от которого хотелось зажать уши ладонями. Северянин чудом удержал меч в руках...

Белесое облако, заключенное в недрах шара, поднялось над парящими в воздухе мириадами осколков — и внезапно рассеялось, напоследок наполнив весь зал жемчужным мерцанием. Тут же крохотные осколки, словно освобожденные от чужой власти, посыпались на пол. Треножник рухнул набок и покатился по каменным плитам.

Лишь теперь киммериец обернулся к ведьме.

Издалека она казалась лишь бледным пятном, но, приблизившись, он обнаружил, что она красива.

Этого можно было ожидать: по опыту варвара, Зло всегда принимало либо очень уродливые, либо весьма привлекательные обличья. Но он давно уже приучился не верить своим глазам, когда дело касалось колдовства!

Но вот чего он никак не ожидал, так это увидеть на ее лице, вместо печати жестокости и порока, обиженно-растерянное выражение маленькой девочки, и огромные глаза,

полные слез...

— Ты разбил мой шар!

При звуках ее голоса, Конан встрепенулся, сбрасывая наваждение. Он пришел сюда, чтобы прикончить эту тварь — и сделает это, какие бы маски она ни примеряла!

— Ты убила моих друзей, ведьма! Женщина стояла, не шелохнувшись, и лишь молча смотрела на него. Не плакала, не молила о пощаде. В полумраке, слабо озаренные луной, ее волосы казались потоками жидкого серебра, а лицо — мерцающей тенью.

Киммериец почувствовал, что воля его слабеет...

Сможет ли он с легкостью поднять руку на женщину? Его собственный кодекс чести не допускал ничего подобного, разве что из самозащиты. Но защищаться было не от кого: колдунья не пыталась напасть на него. Просто стояла и смотрела — как будто чего-то ждала.

Шум в коридоре, ведущем в парадный зал, тот-пот ног и возбужденные голоса селян помогли Ко-нану принять решение. Нацелив на ведьму клинок, чтобы та не вздумала сбежать, киммериец объявил:

— Тебя будут судить люди, которых ты мучила столько лет. Они решат твою судьбу!

Вопреки всем ожиданиям, женщина и теперь не выказала ни страха, ни раскаяния. На лице ее мелькнула тень улыбки, — но тут же пропала. Она вскинула глаза на Конана.

— Тогда, раз ты не убьешь меня сам, прошу об одном. Останься посмотреть, как они меня убьют. Не уезжай из долины, пока они не сделают этого.

Странная просьба. Странная ведьма... В чем тут может быть подвох? Она задумала какое-то колдовство? Или попытается освободиться? Но тогда северянин тем более должен остаться, чтобы помешать ей любой ценой и проследить, чтобы убийцу постигла заслуженная кара!

Он сурово взглянул на женщину.

— Могла бы и не просить. Это зрелище я не пропущу ни за что на свете!

Ведьма удовлетворенно кивнула.

— Хорошо. Ты ведь уже понял, что тебя обманули?..

Но прежде, чем Конан успел спросить ее, что означала эта странная фраза, жители селения во-тврвались внутрь, и зал наполнили огни множества факелов, запах дыма и мокрой одежды, хриплые возбужденные голоса...

— Ты схватил ее! И разбил проклятый шар! — К киммерийцу, расталкивая остальных, пробирался отец Кайты. На лице его сияла широкая улыбка, но почему-то она делала лицо не радостным, а неприятно-хищным, словно у изголодавшегося человека, который наконец дорвался до еды. Впрочем, если вспомнить, сколько он и его сородичи натерпелись от колдуньи, — это многое объясняло.

Конан сдержанно кивнул.

— Я исполнил то, что обещал. Долина вновь принадлежит вам. Когда вы намерены судить ведьму?

Однако селянин словно бы и не слышал слов варвара. Медленно, не сводя глаз с женщины, он приближался к ней, пока наконец не остановился совсем рядом, вплотную к ней. Конан видел, что ей хочется отшатнуться, но почему-то она усилием воли заставляет себя оставаться на месте.

— А ты совсем не изменилась... — срывающимся голосом выдохнул отец Кайты.

Она смотрела на него несколько мгновений, прежде чем бросить презрительно:

— Ты тоже, Майдрак. Все такой же жадный ублюдок!

— Ах ты!.. Эй, отпусти! — последнее предзначалось уже Конану, который перехватил занесенную для удара руку селянина. Толпа, собравшаяся вокруг, возмущенно загомонила. Рывком обернувшись к ним, киммериец обнаружил, что на лицах всех без исключения, не только мужчин, но и женщин, — то же самое хищное, алчное выражение, что и у отца Кайты.

Сдвинув брови, ибо происходящее нравилось ему все меньше и меньше, варвар поискал деревушку взглядом, но не смог найти ее в толпе.

— Успокойтесь! Вы же хотели судить ведьму, а не разорвать ее на части. Так пусть будет суд!

Однако эти слова оказали на селян совершенно неожиданное воздействие. Послышались крики:

— О чем он говорит?

— Что болтает этот наемник?

— Пусть убирается, пока цел!

— Вон отсюда!..

Вскинув меч, Конан с угрозой обвел взглядом толпу. Но прежде, чем он успел хоть что-то сказать в ответ, неожиданно вмешался Майдрак.

— Киммериец! Не слушай этих глупцов! — Голос его звучал просительно и успокаивающе. — Они так рады твоей победе, что сами не знают, что говорят. — При этом он яростно замахал на селян руками, словно желая заставить их замолчать. Как ни странно, толпа и впрямь притихла.

— Мы будем судить ведьму по закону. Будь спокоен, она получит то, что заслужила. Но это будет еще очень нескоро. Сперва нам нужно принести жертвы богам, чтобы они назначили благоприятный день. Возможно, готовиться придется не один месяц... Ты уверен, что хочешь ждать так долго?

Еще чего! Торчать столько времени в этой дыре!.. Конан уже готов был ответить отказом, — как вдруг нечаянно перехватил взгляд ведьмы. Совсем не испуганная, она почему-то улыбнулась ему с таким видом, словно между ними была некая тайна, известная лишь им двоим.

И северянин вспомнил странное обещание, которое она заставила его принести. И другие, не менее странные слова, которые колдунья произнесла потом...

Он вопросительно поднял брови.

— Ты сказала — они обманывают меня?

Но ответить женщина не успела. За спиной у киммерийца внезапно послышался истощенный вопль Майдрака:

— Убейте его! — И толпа ринулась на варвара. Зарычав, словно зверь, готовый к прыжку, он

рывком развернулся, держа в одной руке меч, а в другой кинжал.

— Первому же, кто сунется, я вспорю брюхо!

Но даже эта яростная угроза ничуть не охладила горячие головы. Селяне неумолимо наступали, смыкая круг. В руках, откуда не возьмись, замелькали ножи...

— Ну, кто первый, мерзавцы?! — проревел Конан, готовый дорого продать свою жизнь.

Но прежде чем он успел вступить в безнадежный бой, неожиданно прямо перед ним мелькнула серебристая тень. Это ведьма бросилась вперед, — и встала прямо между

киммерийцем и алчущей крови толпой.

— Не подходите! — выкрикнула она, и толпа неожиданно подчинилась. Женщина, сделав шаг назад, спиной прижалась к груди Конана. От неожиданности тот даже не успел отступить. — Не подходите, иначе он убьет меня!..

Более нелепой угрозы от женщины, и без того обреченной на смерть, невозможно было себе даже представить. Однако северянин с изумлением обнаружил, что на селян слова колдуны произвели почти магическое действие, — не хуже любого заклинания. Толпа замерла, лишь с ненавистью пожирая взглядом ведьму и варвара.

Что ж, он не понимал правил игры, но готов был сделать свой ход.

— Все назад! — закричал Конан и приставил к горлу женщины нож.

Он и сам этого не ожидал, но мерзавцы подчинились беспрекословно.

— А теперь, — ледяным тоном продолжил киммериец, — пусть кто-нибудь объяснит мне наконец, что происходит. Кайта!

Девушка протолкалась вперед, испуганно взирая на северянина.

— Я... я ничего не знаю, честно...

— Тогда ты, Майдрак!

Селянин яростно замотал головой, пятясь под гневным взглядом Конана.

— Нет! Нет... Уходи прочь, чужак! Никто не тронет тебя — только уходи! Это наше дело. Между нами и этой ведьмой... Уходи прочь!

— Не дождется! — варвар скрежетнул зубами. — Эта тварь сгубила целый караван, прикончила моего друга... Я не уйду, пока не покончу с ней! Но сначала добьюсь от вас правды!

Толпа испепеляла взглядами Конана; мужчины — молча, а женщины — бормоча себе под нос какие-то проклятия и сплевывая под ноги. В ответ, тот демонстративно поиграл ножом перед лицом у колдуны...

— Ты ничего не добьешься от них.

В огромном притихшем зале голос ведьмы прозвучал неожиданно громко, многократно отразившись от каменных стен.

— Ты не посмеешь! — Кто-то из селян, не выдержав, метнулся к ней. Но, натолкнувшись на грозный взгляд Конана, осекся и попятился.

— Говори! — рявкнул киммериец, нависая над пленницей.

Из толпы снова послышались вопли:

— Не слушай ее, чужак! Не смей! И даже:

— Лучше убей ее!..

Но звучный колдовской голос с легкостью перекрыл все эти возгласы. У северянина было такое впечатление, словно они в этом огромном зале остались одни, и женщина рассказывает ему свою историю негромким, доверительным голосом, словно давнему хорошему другу...

* * *

— Ты не задумывался, почему эту долину именуют Долиной Унгорона? — спросила

она. — И почему тут нет крестьянских домов, а только этот замок... хотя все эти люди, — она обвела взглядом толпу, — утверждают, что жили здесь. Впрочем, в этом, единственном, они говорят правду. Почти...

— И что же это за замок? — заинтригованный, против воли спросил Конан.

— Унгорон был магом. Очень сильным и известным на весь мир...

— Никогда о таком не слышал, — презритель но хмыкнул варвар. Ну почему каждый жалкий шарлатан-колдунишка вечно мнит себя пупом земли?

Но женщину ничуть не смущило презрение в его голосе.

— Это было почти полвека назад, — молвила она. — Полвека назад он создал меня...

— Создал? Так ты... Она кивнула.

— Да, я не человек. Точнее, не вполне человек, ибо вызванную им сущность Иномирья Унгорон все же вселил во вполне земное, смертное тело... которое, правда, потом изменилось под действием колдовства.

Значит, вот, что означали слова, с которыми отец Кайты обратился к ведьме. Конечно, она и не могла постареть...

— Продолжай, — сухо велел ей Конан. — Зачем он создал тебя.

— Чтобы использовать в своих целях, зачем же еще! — Женщина невесело хохотнула. — Все люди одинаковы... С моей помощью он хотел добыть себе славу, власть и богатство.

— Вот как? — Конан заинтересовался. Конечно, он помнил, что перед ним убийца, и был вполне решимости покарать ее, но все же... — Ты дала ему все это?

— Да.

Заслышиав этот простой ответ, толпа селян вздохнула и едва слышно застонала, словно единий организм... словно раненый зверь.

— Дело в том, что я могу предсказывать будущее, — прошептала женщина едва слышно. — То есть, не совсем «предсказывать», ибо будущее не предсказуемо по самой сути своей. Но если человек знает о какой-то развилке в своей жизни, о возможности выбора, то от меня он узнает, что получит, ступив на избранную тропу... Унгорон продавал эту мою способность. Продавал очень дорого — всем, кто способен заплатить.

Она помолчала. А потом, внезапно изогнувшись под рукой киммерийца, который по-прежнему держал у ее горла нож, повернулась, чтобы взглянуть ему прямо в глаза.

— Хочешь знать, как это происходило? Что должен был сделать человек, чтобы получить от меня ответ?..

Против воли, северянин уставился в ее серебристые глаза, в глубине которых плескалась боль. Он хотел бы солгать, но почему-то не смог.

— Я слышал... — вымолвил он через силу. — Слышал о весталках богов, который предвещали грядущее после соития с мужчинами. Таков и твой дар тоже?

Ведьма кивнула.

— Это так. Человек должен возлечь со мной — и получит ответ.

— Человек? — Он нахмурился. — Мужчина?

— Не обязательно. Пусть одна из этих... — колдунья пренебрежительно кивнула в сторону женщин в толпе, — ...подойдет сюда и посмотрит на меня. Как можно ближе...

Конану пришлось явиться на них дважды и вновь пригрозить прирезать пленницу, прежде чем мать Кайты повиновалась. И тогда глазам варвара явилось чудо.

Под горячим алчностью взором женщины фигура колдуньи внезапно утратила четкость очертаний, сделалась текучей, словно белесый туман, — а затем перед Конаном оказался

юноша с белоснежными волосами и серебристыми озерцами глаз. От неожиданности, варвар едва не выпустил пленника.

Когда он взглянул вновь, ведьма вновь стала собой. Впрочем, мог ли он знать наверняка, каково ее истинное обличье? Северянина передернуло.

— Так значит, и мужчины, и женщины, да? — задал он уже ненужный, в общем-то, вопрос.

Колдунья кивнула.

— Так решил мой хозяин. Видишь ли, он не желал упустить никакой возможности. Женщины ведь тоже платят за прорицания...

— Но разве ты не могла отказаться? Сопротивляться? Спастисъ бегством, в конце концов? — Варвар попытался вообразить себе участъ этой... этого существа, и ему стало не по себе. Ведьма покачала головой.

— Унгорон слишком хорошо все продумал. Его чары держали меня в повиновении. Я была бессильна. Он приводил ко мне всех, кто этого хотел, — и я давала им то, чего жаждала их душа. Я ненавидела каждое мгновение этой жизни... но чары мага не позволяли мне даже покончить с собой!

Она вскинула руки, и на запястьях Конан заметил тонкие ниточки давнишних шрамов.

— Так что же случилось с колдуном? — резким голосом спросил он, пытаясь заглушить вспыхнувшую жалость к этому созданию. — Ты нашла способ разделаться с ним.

Женщина кивнула и указала на толпу, по-прежнему пожиравшую ее глазами, словно псы — лакомую кость. Они больше не пытались помешать ей говорить, но жадно впитывали каждое слово, покачиваясь, точно зачарованные.

— Эти люди помогли мне. Бывшие слуги колдуна — они жили здесь, в замке. Его стражники, виночерпии, лакеи, кухарки... Хозяин любил пышность, и здесь всегда было полно народу. Я подружилась с одной девушкой, что ухаживала за мной. Она передала мой план остальным. Они убили Унгорона. Я плакала три дня, от радости, что наконец обрела свободу...

— И что же? — впрочем, у Конана возникло неприятное ощущение, что он уже знает ответ.

— Я была в долгу перед моими спасителями. Я не могла оставить их просто так, не отплатив за доброту. Сперва один из них пришел ко мне, слезно моля о предсказании, затем — другой, третий... Я не отказывала. Ведь я хотела быть благодарной. И к тому же, я столько раз уже делала это... еще один раз, или два не играли значения. Я даже радовалась, что могу хоть так отплатить им добром за добро... Но потом...

— Они стали слишком алчными, да? — помог ей Конан.

Ведьма кивнула. По щекам ее медленно скатывались слезинки.

— Это началось постепенно. Я даже не успела ничего понять. Сперва они спрашивали о действительно важных вещах, но потом... Потом они уже ничего не хотели делать без предсказаний. Девицы спрашивали, с кем им пойти на свидание. Мужчины — в какую сторону лучше пойти на охоту, или где искать потерявшуюся козу... — Она невесело хохотнула. — Один-единственный раз я решилась наконец отказать. Сказала, что больше не могу. Что они жестоки со мной, 'как мой прежний хозяин... И они оставили меня в покое. Веришь ли? — она обратила свой взор на северянина.

Тот покачал головой.

— Почему-то не верю.

— А вот я поверила. И ела с ними вечером. И пила вино, как всегда. А когда проснулась... — Она помолчала, борясь с нахлынувшими воспоминаниями. — Если бы могли пройтись по замку, я бы показала тебе комнату, где они заперли меня. И ложе, к которому привязывали... Ведь, в отличие от Унгорона, они не владели магией, принуждающей к покорности. Но их способы оказались ничуть не менее действенными.

— Это правда?! — Яростным взором Конан обвел толпу. Селяне молча отводили глаза. Никто не решился ответить.

И тут неожиданно Кайта выскоцила вперед.

— Ты!.. — Она вплотную подскочила к отцу и плонула ему в лицо. — Никто никогда не говорил мне... Ты омерзителен!.. — Она встала рядом с киммерийцем. — Я уйду вместе с тобой, Конан. Ни на миг не останусь здесь, в этом проклятом месте!

Северянин молча кивнул ей, а ведьма между тем продолжала свой рассказ тихим, монотонным голосом, словно и не заботясь, слушает ли ее кто-нибудь:

— ...Мне повезло. Просто повезло. Они держали меня в комнате, где был тайный ход в кабинет Унгорона. Та комната тоже оказалась заперта снаружи, так что о побеге пришлось забыть... Но зато я нашла его книги. И этот шар, который ты разбил, чужак...

— С его помощью ты оградила долину, да?

— И создала Стражей, которые изгнали этих людей прочь. — Ведьма вздохнула. — Я не хотела никого убивать. Мне всего лишь было нужно, чтобы они ушли. Но они не пожелали покинуть горы. И остались, в надежде рано или поздно вернуться в долину и вновь получить... свои предсказания. Даже вечная зима и снег не смогли отвадить их отсюда. И тогда они нашли тебя...

Кивнув, с мрачным видом киммериец обвел селян взглядом. Ему ни к чему было задавать вопросы: он и без того по их лицам видел, что женщина говорила правду.

И что теперь? Убить ее у него не поднялась бы рука. Оставить в замке?.. Но выгнать отсюда селян он не сумеет, а шар колдуна разбит, и чары его развеялись...

Ладно, сказал себе варвар. Это решение было не слишком ему по душе, но лучшего он все равно не нашел.

— Вы заслужили свою долину, — презрительно бросил он в толпу, — так получайте ее. Живите здесь... И надеюсь, в конце концов вы перережете друг друга! А эта женщина уйдет со мной.

— И, заметив, что толпа вновь угрожающе заворчала, полная решимости не выпускать его с вожделенной добычей, угрожающим тоном добавил:

— Вы можете броситься на меня. Но я успею убить ее. И прикончу любого, кто решит преградить мне путь. Желаете попробовать? Ну же, давайте, мерзавцы, вперед! — И Конан принял вращать мечом, с легкостью выписывая круги и восьмерки тяжелым оружием, да так, что сам воздух запел от предвкушения битвы.

Как он и ожидал, толпа испуганно отпрянула. Они были рабами, и потомками рабов! Такие никогда не дерутся... хотя могут накинуться сзади.

Он бросил Кайте свой нож.

— Прикрывай мне спину, девочка. Мы уходим отсюда.

В гробовой тишине они втроем вышли из зала и направились по коридору к выходу, белевшему впереди ослепительно-ярким пятном.

Ночь кончилась. Начинался новый день.

Никто так и не осмелился преследовать их.

— И куда ты пойдешь теперь?

Конан не слишком спешил с этим вопросом, но все же удержался и задал его ведьме, едва лишь они миновали непреодолимую прежде Черту, отделявшую долину от остального мира.

— В Аквилонию.

Она быстро шагала по снегу, уже начавшему стремительное таяние, — ведь магические чары больше не сдерживали его. Солнце на ослепительно-синем небосводе заливало мир ласковым янтарным светом, словно обещая прощение всех грехов и избавление от бед.

— И куда же именно? У тебя есть место, где ты будешь в безопасности?

По-прежнему не оборачиваясь, ведьма бросила:

— Я в безопасности, пока я с тобой, Конан. Не думай, что эти люди откажутся от мысли вернуть меня. Совсем немного времени пройдет, они опомнятся и бросятся в погоню... Поэтому мой путь лежит туда же, куда и твой. В Шамар, не так ли?..

Нагнав ее в три прыжка, варвар схватил женщины за плечо и рывком заставил обернуться к себе.

— Откуда ты знаешь?!

Она безмятежно взирала на него своими нечеловеческими серебристыми глазами.

— Но как же иначе? У меня были долгие годы, чтобы продумать план спасения. Неужто ты думаешь, я так и хотела вечно жить взаперти в этом проклятом замке? Или что я оставила бы все на волю случая?..

— Она... она... — пискнула Кайта из-под локтя у киммерийца, с неожиданной ненавистью глядя на беловолосую женщину. — Она заглядывала в свое будущее! Она знала все, что случится! Она это подстроила!.. Ведьма!

Ошарашенный, Конан воззрился на колдунью.

— Это правда?

Та кивнула, с невинным видом.

— Твоя подружка очень сообразительна. Я, и правда, заранее знала, что ты — мой единственный шанс. Кстати, извини за лавину, но другого выхода не было. — Вид у нее при этих словах был ничуть не виноватый, а даже слегка торжествующий. Похоже, она гордилась тем, как хорошо все продумала. — Во всех иных вариантах будущего ты уезжал прочь, так и не сунувшись в замок...

Лишь сейчас, глядя на нее, Конан осознал, что она имела в виду, когда говорила, что она — не вполне человек. И дело не в ее пугающих способностях... Существо из Иномирья, коим ведьма являлась в действительности, было лишено самых важных свойств, которые, собственно, и делают людей — людьми. Сострадания. Жалости. Милосердия.

Или, возможно, так искалечило ее ужасное существование, на которое колдун Унгорон обрек свою пленницу...

Конан не знал точного ответа, да и не хотел ломать голову. Гораздо важнее было решить, что ему делать теперь с этой внезапно свалившейся на плечи обузой.

— Я не стану тебя убивать, — объявил он сухо, — хотя неупокоенный дух Аньядра наверняка будет являться ко мне ночами и взыывать к отмщению. Но я не сделаю этого... Однако не хочу и видеть тебя рядом. Как только мы выберемся из этих гор — ты уберешься на все четыре стороны. Поняла? Иначе я могу и передумать, и уступить Аньядру!

Ведьма посмотрела на него с таким видом, словно собиралась что-то сказать... но почему-то только кивнула. Из-за плеча у киммерийца послышался тягостный вздох Кайты.

— Я не умею предвидеть будущее, но знаю точно: нам от нее будут одни неприятности. Ты точно не хочешь убить ее прямо сейчас?

Рассмеявшись, Конан обнял за плечи свою кровожадную подружку.

— Погожу пока. А с неприятностями мы справимся вместе, верно?

Кайта доверчиво прижалась к нему.

— Конечно. — Она поцеловала северянина в щеку. — Тогда давай пойдем поскорее. Мне не терпится увидеть Большой Мир!

И они двинулись вперед по горной тропе, больше не оглядываясь на среброволосую ведьму.

Но Конан не сомневался, что она следует за ними.

* * *

Наутро следующего дня ему пришлось горько пожалеть о давешнем пренебрежении, с каким он отнесся к словам Кайты.

Рассвет встретил его непривычной, какой-то гнетущей, мертвенною тишиной. То, что ведьмы нет в пещере, где трое беглецов нашли себе пристанище на ночь, — это он понял сразу. Но вот на то, чтобы заметить Кайту, ушло еще несколько мгновений.

Хотя она была совсем рядом. В нескольких шагах, у выхода из пещеры...

Лежа на земле, она взирала в бездонные небеса широко распахнутыми глазами. И рукоять кинжала, торчащая у нее из груди, казалась каким-то странным, нелепым и ненужным украшением.

Крови почти не было. И боли, должно быть, тоже. На лице Кайты, красивом и почти безмятежном, застыло лишь выражение легкого удивления...

Крик Конана, разорвавший безмолвие равнодушных гор, казалось, мог сотрясти землю до основания:

— Убийца! Тебе не скрыться от меня! Где бы ты ни была, — я отыщу тебя, ведьма!..

Почудилось ли ему, или ветерок внезапно и впрямь донес едва уловимый шепот:

— Мое имя Мaitимо... Найди меня — если сумеешь...

Вокруг не было ни души.

Стиснув зубы, Конан зашагал на запад.

В Шамар.